

— Вы вернулись! Ну как, всё прошло гладко? — издалека, заметив их, сразу спросил Сюн Шишань.

Нин Гуйчжу улыбнулся и кивнул:

— Всё прошло хорошо.

— Хорошо - это хорошо, хорошо...

Сюн Шишань повторял это несколько раз, заметно расслабляясь.

Ведь это поручение самого уездного нсудьи, да ещё и обучение работе на новом станке. Хоть все и знали, что Чжу-гер способный, всё равно переживали, вдруг что-то пойдёт не так и он рассердит судью.

Теперь же, увидев, что молодые вернулись спокойно, ещё и разговаривают с лёгкостью, стало ясно, что всё прошло успешно. Сюн Шишань снова повеселел:

— Я же говорил, наш Чжу-гер - парень способный! А твоя мать всё переживает по пустякам.

— Сюн Шишань! Ты что там несёшь?!

Лю Цюхун вышла как раз в этот момент, услышав его слова. Брови у неё взметнулись вверх, а бамбуковая ветка в руке со свистом рассекла воздух.

Сюн Шишань: «.....»

— Я... я ничего не говорил.

В таком возрасте, и всё равно получать нагоняй при детях... Он быстро ретировался, бросив на ходу:

— Пойду посмотрю, почему старший ещё не вернулся!

Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу переглянулись, с трудом сдерживая смех.

Лю Цюхун сначала фыркнула вслед мужу, но, заметив их взгляд, тут же заулыбалась:

— Быстро занесите вещи и приходите. Я сейчас начну готовить, скоро будем есть.

— Мам, давай я, — сказал Нин Гуйчжу, уже закатывая рукава и подходя к ней. — Мы как раз купили немного мяса, сегодня поедем что-нибудь мясное.

Глядя на аккуратного, красивого Нин Гуйчжу, да ещё и ставшего учителем, Лю Цюхун открыла рот и закрыла, снова открыла - и снова закрыла. В итоге лишь глухо сказала:

— Угу.

Она отступила в сторону, пропуская Нин Гуйчжу во двор, а затем схватила за руку Сюн Цзиньчжоу, который собирался зайти следом:

— Вот скажи мне, с тех пор как женился, хоть день был, чтобы ты не ел мясо? Ты вообще умеешь экономить?!

Сюн Цзиньчжоу: «...?»

Но ведь Чжу-гер тоже хочет есть мясо...

Лю Цюхун и слушать не стала, у неё была своя логика:

— Я тебя не знаю, что ли? Наверняка он спрашивает: «Будешь мясо?», а ты там: «Да как хочешь, как хочешь». А как только мяса нет, сразу с кислой миной ходишь. Он что, дурак, не поймёт, что ты без мяса жить не можешь?

Сюн Цзиньчжоу попытался вспомнить - вроде он не показывал недовольства. В конце концов, даже простые дикие овощи в руках Нин Гуйчжу становились вкусными. Но... если подумать, он вполне мог бы так себя вести.

И вот это молчание всё и решило.

— Расточитель! — вынесла приговор Лю Цюхун.

Сюн Цзиньчжоу почувствовал себя страшно несправедливо обвинённым.

С трудом вырвавшись, он вошёл в кухню и увидел, как Нин Гуйчжу торопливо пытается скрыть улыбку.

— Ага! Значит, ты там стоял и смеялся надо мной, — обвинил он.

Нин Гуйчжу серьёзно ответил:

— Ничего подобного. Я же видел, что ты с матерью разговариваешь, не стал мешать.

Сюн Цзиньчжоу громко фыркнул. И тут Нин Гуйчжу не выдержал - приснул, а затем рассмеялся так, что едва устоял на ногах.

Сюн Цзиньчжоу: «...»

Ну что ж, свой фулан, пусть смеётся.

Купленное мясо в итоге так и не использовали полностью. Лю Цюхун не могла позволить себе такую расточительность: проследив, как Нин Гуйчжу отрезал лишь небольшой кусок, она сразу же велела Сюн Цзиньчжоу отнести остальное домой, по дороге ещё и без конца наставляя молодых беречь деньги.

Нин Гуйчжу, занимаясь мясом, с улыбкой сказал:

— Мама, это ведь изначально куплено на всех. В последнее время я не могу заниматься домом, приходится вам и невестке больше стараться. Если ничего не дать взамен, мне неловко.

— Что тут неловкого? — не согласилась Лю Цюхун. — В семье всегда друг другу помогают. Разве если мы с твоим отцом заболеем, или у старшего сына проблемы будут, ты с Цзиньчжоу сможете спокойно стоять в стороне?

— Конечно нет.

— Вот и всё. Ты просто слишком вежливый.

Услышав такую оценку, Нин Гуйчжу на мгновение замер, затем лишь улыбнулся:

— Тогда в следующий раз не буду так.

Значит, даже это считается излишней вежливостью...

На ужин Нин Гуйчжу приготовил небольшую порцию жареного мяса, сделал салат из диких овощей и ещё одно блюдо из них же, а в качестве основного были грубые паровые булочки, которые приготовила Лю Цюхун.

Пока они возились на кухне, вернулись с работы Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа. Во дворе сразу раздались голоса - кто-то отчитывал детей, время от времени слышался смех Сюн Цзиньчжоу, дразнящего малышей, и вялые попытки Сюн Шишаня вмешаться.

Шумно и по-домашнему тепло. Настроение Нин Гуйчжу стало особенно лёгким.

— Ладно-ладно, хватит ругаться! Быстро вымойте руки от грязи и идите есть! — Лю Цюхун вынесла из кухни грубые булочки, бросила взгляд на трёх малышей, похожих на маленьких грязных обезьянок, и отвернулась, чтобы не раздражаться.

Нин Гуйчжу вышел следом, увидел их вид и замер:

— Это как вы так умудрились перепачкаться?

Сюн Цзиньчжоу, заметив его, подошёл и взял у него блюдо, с улыбкой объяснил:

— Червей для наших кур и уток копали.

А? Нин Гуйчжу растерялся. Чтобы выкопать червей... нужно так вымазаться?

Стоп... главное не это - с каких это пор они копают червей для их кур и уток?

Сюн Цзиньчжоу приподнял бровь, слегка толкнул его плечом и повёл вперёд. Когда они отошли подальше, он наклонился к его уху и тихо сказал:

— Я им сказал: если кур и уток хорошо кормить, будет больше мяса.

Нин Гуйчжу: «...»

Бедные дети, их так легко обвели вокруг пальца.

Хотя мясо они и так собирались покупать на всех, дети ведь этого не знали. После того как родители наскоро их отмыли и усадили за стол, стоило им увидеть чашку с жареным мясом, глаза сразу загорелись, а грудь гордо выпятилась. Это ведь их труд - они сами добыли это мясо, копая червей! Теперь и родители, и дедушка с бабушкой должны им быть благодарны!

Сюн Чжуаньшуй гордо объявил:

— Папа, мама, дедушка, бабушка, вы тоже можете есть мясо!

У всех четверых взрослых палочки на мгновение замерли, а затем они дружно нашли «виновника».

Сюн Цзиньчжоу тем временем спокойно положил Нин Гуйчжу кусочек постного мяса и,

заметив их взгляды, вполне серьёзно сказал:

— Это же мясо, которое они своим трудом заработали. Давайте ешьте, не обижайте детскую заботу.

«...»

Вот же мелкий хитрец.

Шестеро взрослых и трое детей в возрасте роста - еда на столе исчезла очень быстро. После этого Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу сказали, что устали, и вернулись домой. Когда Ван Чуньхуа убирала в комнате, она заметила сладости, которые Сюн Цзиньчжоу спрятал в тени...

.....

Но как бы ни отреагировали домашние, у Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу дома их уже окружили две радостные собаки.

Раньше, когда Нин Гуйчжу ещё не было, Да Ван и Эр Цай спокойно оставались одни. Но потом они привыкли, что дома почти всегда есть человек. А сегодня оба хозяина ушли, вот они и носились вокруг, поскуливая, не давая им даже шагу ступить.

Нин Гуйчжу раньше не особо любил собак, но эти малыши были такими тёплыми, пушистыми и ласковыми, что сердце само размягчалось. Он присел, поочерёдно погладил их, почесал за ушами и мягко сказал:

— Скучно было дома, да? Простите... Когда закончу дела, буду больше дома с вами, хорошо?

Сюн Цзиньчжоу, которому такого отношения не доставалось: «...»

Тц, неприятно.

Вернувшись домой, нужно было заняться уже своими делами. Нин Гуйчжу ещё немного поиграл с собаками, но Сюн Цзиньчжоу с непонятно откуда взявшимся недовольным лицом поднял его на ноги. Нин Гуйчжу хотел что-то сказать, но, повернув голову и увидев, что солнце уже клонится к закату, передумал:

— Давай сначала соберём овощи, что сушатся.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу украдкой отодвинул собак и вместе с Нин Гуйчжу занёс высушенные дикие овощи в дом.

Летом темнеет поздно. Нин Гуйчжу, вернувшись домой, словно ожил. Он обошёл двор, не стал ждать, пока закипит вода, а взял нож и занялся бамбуковыми заготовками, сложенными у стены. Бамбуковые полосы делятся на зелёные и жёлтые: первые гибкие и упругие - подходят для тонкого, изящного плетения; вторые менее эластичны, их используют для крупных изделий.

Сначала он срезал зелёный слой, затем расщеплял бамбук на тонкие полоски, раскладывая их по типам. Руки работали без остановки, а в голове он уже прикидывал, какие плетёные вещи нужны в хозяйстве.

— Чжу-гер, попей воды.

Сюн Цзиньчжоу улучил момент, протянул ему чашку и забрал у него нож, взвесил его в руке:

— Кажется, этот нож слишком большой, неудобно работать. Может, завтра сходим к кузнецу, сделаем специальный нож для бамбука?

Специальный инструмент, конечно, был бы удобнее, но Нин Гуйчжу покачал головой:

— Нормально, я уже привык. Да и железо выдаётся по норме, не стоит зря тратить.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу уже не смог продолжать уговаривать.

Он немного подумал и сказал:

— Тогда, может, научишь меня? В будущем такую работу я буду делать сам.

Нин Гуйчжу сделал глоток воды и с улыбкой посмотрел на него:

— Конечно.

На работе он учил учеников, а дома... мужа?

Наверное, так это и называется.

Испортив больше десятка бамбуковых заготовок, Сюн Цзиньчжоу наконец начал понимать, как это делать. Но к тому времени уже совсем стемнело. Нин Гуйчжу не стал давать ему продолжать:

— Давай умоемся и будем отдыхать. Что хочешь на завтрак? Лапшу с мясом можно?

— Конечно можно! — ответил Сюн Цзиньчжоу без раздумий.

Они умылись и один за другим вошли в спальню. Сегодня лампу не зажигали - тусклый лунный свет едва освещал дорогу. Нин Гуйчжу снял верхнюю одежду, вытащил шпильку и, проводя пальцами по волосам, лениво зевнул, садясь на кровать:

— Давай окно не закрывать. Уже не так холодно по ночам.

Сюн Цзиньчжоу на мгновение замер, но не стал возражать.

Повесив одежду на табурет, он достал бутылочку с лекарством и подошёл к Нин Гуйчжу:

— Давай я помассирую тебе ноги.

— Вообще-то мне кажется, уже почти прошло, — сказал Нин Гуйчжу, чуть отодвигаясь, чтобы освободить место рядом. — Давай на сегодня хватит, не будем зря тратить лекарство.

Мазь и правда была хорошая, лучше оставить на всякий случай.

— Ты же говорил, что долго стоял на коленях под дождём, — возразил Сюн Цзиньчжоу. — Надо как следует размять. Если сейчас не долечить, потом в дождь и снег будет болеть.

Нин Гуйчжу поджал губы, хотел что-то сказать, но, увидев сосредоточенное выражение лица Сюн Цзиньчжоу, проглотил слова. Подумав, он лишь добавил:

— Тогда завтра сходим в аптеку, купим что-нибудь попроще. А это лучше оставить.

Сюн Цзиньчжоу посмотрел на него, понял, что тот уже всё решил, и кивнул, больше не споря. Под его руками колени постепенно разогрелись, тепло словно растекалось глубже, прямо к сердцу. Нин Гуйчжу лёг под одеяло, повернулся на бок и наблюдал, как Сюн Цзиньчжоу убирает лекарство. Когда тот вернулся, он чуть приподнял край одеяла, молча приглашая. Сюн Цзиньчжоу, обернувшись, увидел это, невольно сжал пальцы. Он лёг рядом, укрылся и осторожно положил руку на талию Нин Гуйчжу, едва касаясь.

В тесном пространстве сразу стало особенно тихо... и слишком близко. Нин Гуйчжу и не подозревал, что настолько остро ощущает такие вещи. Он задержал дыхание, чувствуя, как чужое тепло будто передаётся ему, и щеки сами собой начинают гореть.

Сюн Цзиньчжоу не заметил колебаний Нин Гуйчжу. Он чуть крепче обнял его и тихо спросил:

— Можно тебя поцеловать?

Снова этот вопрос.

Нин Гуйчжу по привычке хотел отказаться, но в этот раз ответа никто не ждал. Едва слова сорвались с губ, как Сюн Цзиньчжоу медленно, но неотвратно приблизился. Расстояние стремительно сокращалось, и Нин Гуйчжу уже чувствовал его дыхание. Трудно описать, но в нём ощущалась сдержанная, едва подавляемая напористость. Губы оказались захвачены, мягко, но настойчиво, с лёгким нажимом, будто пробуя и запоминая вкус.

Восемнадцатилетний юноша, полный сил - даже такой простой поцелуй способен разжечь в нём большее. Когда Нин Гуйчжу это понял, жар на его щеках усилился. Он чуть отстранился, тело напряглось - он явно ещё не был готов к более близкой близости.

Сюн Цзиньчжоу замер, затем вместо продолжения лишь мягко коснулся его лба губами и хрипло сказал:

— Спи.

Нин Гуйчжу поднял глаза, ресницы дрогнули. Они были законно женаты - по меркам этого времени это ничем не отличалось от брака с документами. И то, что Сюн Цзиньчжоу в такой момент смог остановиться и уважить его границы... оказалось неожиданно.

Напряжение в груди постепенно отпустило. Немного поколебавшись, Нин Гуйчжу всё же склонился ближе и тихо сказал:

— Тебе не нужно... пойти умыться? Говорят, если терпеть, может быть вредно.

Сюн Цзиньчжоу: “!!!”

— Ты... ты совсем не стыдишься?!

Он выскочил так быстро, словно за ним гнались. А Нин Гуйчжу остался на кровати, согнувшись от смеха.

Утро. Небо ещё затянуто лёгкой дымкой.

Нарезанное мясо отправилось на сковороду, раздалось аппетитное «ш-ш-ш», а запах жареного поднялся вверх вместе с дымком. Когда мясо было почти готово, Нин Гуйчжу добавил немного соевого соуса для цвета и аромата и разложил его по двум чашкам. Затем в ту же сковороду налил горячую воду, довел до кипения и опустил заранее нарезанную лапшу из смеси муки.

— Бульк... бульк-бульк...

Вода активно кипела, и лапша быстро дошли до готовности. Нин Гуйчжу добавил ещё немного соевого соуса, и аромат сразу стал насыщеннее.

Кипящий бульон разлили по чашкам, заливая мясо, сверху выложили сваренную лапшу. Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу сели друг напротив друга и одновременно сделали первый глоток бульона.

Вкус мягкий, но глубокий: соевый соус и мясо переплетались в тёплой, домашней гармонии. Свежая лапша - упругая, тянущаяся, пропитанная бульоном - с каждым кусочком казалась всё вкуснее. Из всей кастрюли они съели три четверти, а остаток как раз пошёл на корм собакам.

— Сегодня днём надо побольше грубых паровых булочек сделать, — сказал Нин Гуйчжу.

Собаки, конечно, милые... но белая мука слишком дорогая, чтобы часто ими делиться.

Сюн Цзиньчжоу кивнул:

— Запомнил.

Солнце на востоке только начинало подниматься. Времени ещё было достаточно, и они вынесли во двор всё, что нужно было досушить, аккуратно разложили на бамбуковых жердях, после чего закрыли дом и вышли. Днём за хозяйством должны были приглядывать родные Сюн, поэтому дверь во двор запирать не стали.

Они вышли точно по времени. Проходя мимо дома семьи Сюн, увидели, что там уже все проснулись. Трое малышей с топотом выбежали наружу и, стоя у ворот, радостно замахали руками:

— Дядя! Тетя! Мы будем хорошо заботиться о цыплятах и утятах! Не переживайте!

Нин Гуйчжу улыбнулся:

— Тогда мы на вас рассчитываем.

— Хе-хе, это не сложно!

Дети махали ещё усерднее, и взрослые, наблюдая за этим, невольно рассмеялись.

Уездный город.

После одного визита дорога уже стала знакомой. Когда Сюн Цзиньчжоу проводил Нин Гуйчжу к учебному залу, учеников ещё не было. Он опустил взгляд на стоящего перед ним Нин Гуйчжу, чуть наклонился и поцеловал его в лоб:

— В обед зайду за тобой. Если устанешь, не стесняйся немного передохнуть.□□

— Угу... хорошо... — взгляд Нин Гуйчжу слегка блуждал.

Сюн Цзиньчжоу усмехнулся:

— Тогда я пошёл.

— ...Тогда... до встречи? — неуверенно добавил Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу ушёл.

Провожая его взглядом до поворота, Нин Гуйчжу поднял руку и коснулся того места, куда только что пришёлся поцелуй. Мысли немного расплывались.

И в этот момент издали донёсся шум голосов учеников, вырвав его из задумчивости. Он тут же опустил руку, слегка досадливо хлопнул себя по щекам, привёл в порядок одежду и с серьёзным видом вернулся в класс, ожидая учеников.

Голос преподавания тихо разносился по помещению, и в спокойной ткацкой мастерской казалось, будто существует только этот звук.

А в это время уездный судья сидел на втором этаже пустого ресторана. Через окно он смотрел вдаль - прямо на учебный зал, где шёл урок. Он неторопливо налил себе чай, сделал глоток и перевёл взгляд на Сюн Цзиньчжоу, стоящего рядом.

С тех пор как он прибыл в уезд Аньхэ, его безопасность полностью лежала на этом стражнике, и тот справился безупречно. А теперь появился ещё и Нин Гуйчжу... Один обеспечивает порядок, другой скоро поднимет ремесло и торговлю. Настоящие благодетели.

Уездный судья усмехнулся, допил чай и поднялся, чтобы спуститься вниз.

Он был сыном крестьянина, выучил пару книг святых мудрецов и во время смуты сумел «сесть на корабль императора». Те, кто вместе сражался за власть, в деньгах не нуждались, и теперь уездный судья Чэнь стремился лишь к доброй славе.

За спиной слышались шаги идущего следом Сюн Цзиньчжоу. Уездный судья поднял голову, прищурился на ослепительное солнце и вдруг сказал:

— Цзиньчжоу, не забудь передать повару в управе: с этого дня готовить обед и для Нин-гера.

Сюн Цзиньчжоу на мгновение опешил, но сразу ответил:

— Есть. Благодарю вас, господин судья.

— Пусть твой супруг хорошо обучает людей, это и будет лучшей благодарностью.

Фигура уездного судьи постепенно удалялась. Сюн Цзиньчжоу быстро бросил взгляд в сторону учебного зала и поспешил следом.

Полдень.

С учётом вчерашнего опыта Нин Гуйчжу сразу вышел из учебного зала и увидел неподалёку ожидающего его Сюн Цзиньчжоу. Он с улыбкой подошёл, и они вместе направились к выходу.

— Что сегодня будем есть в обед? — спросил он бодрым голосом.

— Пойдём в уездную управу, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — Сегодня там рисовые лепёшки, жареные яйца и рис.

— А? — Нин Гуйчжу удивился. — Мне тоже можно туда?

Сюн Цзиньчжоу улыбнулся и кивнул:

— Утром сам уездный судья распорядился.

Нин Гуйчжу: «...»

Стоило услышать, что это личное распоряжение уездного судьи, и у него сразу же заудело желание спрятаться. Хотя тот человек был мягким и действительно заботился о народе...□□

Нин Гуйчжу тихо вздохнул про себя. Почувствовав, как Сюн Цзиньчжоу взял его за руку, он пару раз покачал ладонью вперёд-назад и быстро выбросил лишние мысли из головы.

— Тогда отлично, — сказал он уже бодрее. — Поедим и сразу можно будет пойти отдохнуть, не придётся бегать туда-сюда и тратить время.

Да и к тому же обед в управе сэкономил немало денег. В конце концов, уездный судья не был жестоким и безрассудным правителем. Ему нужно лишь хорошо обучить учеников, а дальше это уже не его забота.

Видя, что Нин Гуйчжу доволен, Сюн Цзиньчжоу тоже повеселел. Они пришли в уездную управу, вошли через боковые ворота и сначала направились на кухню за едой. Здесь в основном работали мужчины, женщин и геров было немного. Сюн Цзиньчжоу, опасаясь, что Нин Гуйчжу будет чувствовать себя неловко, предложил:

— Давай возьмём еду в чашках и поедем у меня в комнате?

Нин Гуйчжу и правда не любил есть при посторонних, поэтому сразу кивнул:

— Давай.

Свежие рисовые лепёшки были мягкими и сладковатыми. Они также наложили себе по чашке риса, сверху добавили жареные яйца. Сюн Цзиньчжоу нашёл поднос, поставил на него еду, и они вместе вернулись в комнату.

Сегодня всё было подготовлено заранее: в чайнике была тёплая вода. Они сели у окна друг напротив друга и спокойно принялись за еду.

<http://bllate.org/book/14958/1600981>